

Под прицелом

Эскалация между Индией и Пакистаном возвращает Кашмир в центр международной повестки. Этот конфликт может стать еще опаснее в будущем.

Последствия недавнего военного обострения между Индией и Пакистаном после теракта в индийском Пахалгаме стороны трактуют по-разному. Индия, похоже, добилась тактического успеха, тогда как Пакистан извлек неожиданную дипломатическую выгоду: инициатива президента Трампа выступить посредником в кашмирском конфликте укрепила позиции Исламабада. Эти события вернули Кашмир в фокус не только двусторонней, но и глобальной политики.

22 апреля в Пахалгаме в результате теракта погибли 26 человек, преимущественно индуисты. Ответственность за нападение взяла на себя группировка «Фронт сопротивления», которую эксперты считают региональным подразделением террористической организации «Лашкар-э-Тайба». Это было самое масштабное нападение на гражданских лиц в Индии со времен атак в Мумбаи в 2008 году и серьезный удар по усилиям правительства премьер-министра Нарендры Моди по нормализации ситуации в новом союзном регионе Джамму и Кашмир. Распустив в августе 2019 года единственный штат с мусульманским большинством, правящая Бхаратия джаната парти выполнила ключевое предвыборное обещание. Несмотря на протесты местных партий, серьезного вооруженного сопротивления не последовало.

В последнее время уровень безопасности в регионе заметно вырос, туризм увеличился. Прямая железнодорожная линия с Нью-Дели символизировала углубление интеграции Кашмира в индийское пространство. Однако атака в Пахалгаме продемонстрировала провал стратегии нормализации. Индийская операция «Синдуур» против террористической инфраструктуры в Пакистане получила поддержку всех политических сил. Но после заявления президента Трампа о перемирии и предложении посредничества премьер-министр Моди подвергся критике со стороны индуистских радикалов, обвинивших его в дипломатической слабости и

потребовавших продолжения силового давления на Пакистан.

*Пакистан на
протяжении
десятилетий стремится
к интернационализации
кашмирского вопроса*

Ответом Исламабада на действия Индии – включая приостановку действия Договора о водах Инда и военную операцию – стало объединение политических сил вокруг армии. Во внутренней политике в тень отошли споры, включая конфликт с партией бывшего премьер-министра Имрана Хана, экономический кризис и критику в адрес военного доминирования. Начальник штаба Асим Мунир укрепил и без того сильные позиции вооруженных сил и занял более жесткий курс в отношениях с Индией. Пакистан приветствовал инициативу США, поскольку традиционно выступает за международное посредничество в решении кашмирского конфликта.

Даже после заключенного 10 мая перемирия перспективы устойчивого мира между Индией и Пакистаном остаются туманными. Премьер Моди объявил, что операция «Синдуур» установила новую «норму» в борьбе с терроризмом. Напомним, и в 2016, и в 2019 годах Индия уже прибегала к ограниченным военным действиям в ответ на атаки, исходившие с территории Пакистана.

7 мая в первой волне ударов Индия атаковала девять объектов террористических группировок, избегая ударов по военным объектам пакистанской армии. Особенно примечательны удары по штабам «Лашкар-э-Тайба» в Муридке и «Джайш-э-Мухаммад» в Бахавалпуре (Пенджаб) – обе организации несут ответственность за серию терактов в Индии, включая нападение на парламент в 2001 году и бойню в Мумбаи в 2008 году.

В ответ Пакистан атаковал индийские военные объекты, что вызвало стремительную эскалацию конфликта. По оценке военных экспертов, произошла одна из крупнейших воздушных битв последних десятилетий. Впервые в боевых условиях сошлись современные китайские и западные системы вооружения: по сообщениям, пакистанские истребители китайского производства сбили как минимум один французский истребитель Rafale. По данным *New York Times*, индийские удары по террористическим и военным объектам оказались заметно эффективнее пакистанских ответных действий.

США не раз играли роль посредника в кашмирском кризисе – в 1999, 2001/2002 и 2019 годах. И на этот раз Вашингтон стал ключевым внешнеполитическим актором. Сначала Белый дом не проявлял интереса к посредничеству, но после удара Индии по авиабазе в Равалпинди – рядом с Главным штабом пакистанской армии и Управлением стратегического планирования ядерных сил – США вмешались. 10 мая президент Трамп через Twitter объявил о перемирии и выразил готовность содействовать разрешению конфликта.

Для Индии вмешательство США стало серьезным дипломатическим ударом. Во-первых, Нью-Дели традиционно отвергает любое международное посредничество в кашмирском вопросе. Во-вторых, действия Вашингтона усиливают недоверие индийской политической элиты, которая, в отличие от Москвы, не считает США надежным стратегическим партнером.

*Публичное
вмешательство США
воспринимается в Индии
как
внешнеполитический
просчет*

В отличие от американской версии, Индия утверждает, что инициатором перемирия выступил Пакистан в ходе двусторонних консультаций. Нью-Дели подчеркивает, что Пакистан не прибегал к ядерному «сигналингу», а значит, не было реальных оснований для опасений по поводу ядерной эскалации. Пакистан же ссылается на позицию Трампа и утверждает, что именно Индия, после беседы с госсекретарем США Рубио, предложила перемирие. Таким образом, вмешательство США стало для Пакистана неожиданным дипломатическим успехом, а для Индии – болезненным внешнеполитическим поражением.

Кашмир остается потенциальным очагом взрывоопасной эскалации. Перспективы диалога между сторонами в ближайшее время отсутствуют. Для Индии приоритетом остается борьба с терроризмом и возвращение контролируемых Пакистаном территорий. Пакистан, напротив, требует возобновления диалога и восстановления водного соглашения.

Кризис укрепил националистические силы в обеих странах. Премьер Моди сталкивается с растущим давлением со стороны индуистских радикалов, требующих более жесткого курса. В Пакистане политическим победителем конфликта стало военное руководство под командованием генерала Мунира. Приостановка Индией

Договора о водах Инда, вероятно, подстегнет исламских фундаменталистов, давно призывающих к «священной войне за воду».

В двустороннем измерении остается неясным, смогут ли операции вроде «Синдуур» снизить поддержку террористических группировок со стороны Пакистана. Взаимные санкции фактически парализовали и без того слабые политические, экономические и общественные связи между двумя странами, что серьезно затруднит коммуникацию в будущих кризисах. Ядерные арсеналы обеих сторон не стабилизируют отношения, а, напротив, позволяют вести ограниченные боевые действия – как это уже происходило в Каргильской войне 1999 года.

На глобальном уровне остается открытым вопрос: принесет ли интернационализация кашмирского конфликта Пакистану долгосрочные дивиденды. Для Индии, напротив, вмешательство Трампа стало серьезным ударом по отношениям с США, которые последовательно укреплялись в течение последних двух десятилетий. Индия – ключевой партнер Вашингтона в Индо-Тихоокеанской стратегии сдерживания Китая. Еще одним внешнеполитическим поражением стало то, что Индия вновь оказалась упомянута в одном ряду с Пакистаном – что противоречит ее стремлению утвердиться в качестве самостоятельного глобального игрока в многополярном мире. Кашмирский конфликт, таким образом, вновь занял место на международной арене – и в будущем может стать еще опаснее.

По этой ссылке статья откроется без VPN

Кристиан Вагнер

Д-р Кристиан Вагнер (Christian Wagner) — старший научный сотрудник исследовательской группы по Азии при Фонде науки и политики (SWP) в Берлине.

Тобиас Шольц

Д-р Тобиас Шольц (Tobias Scholz) — научный сотрудник исследовательской группы по Азии при Фонде науки и политики (SWP) в Берлине.

